

— С учениками в драки ввязываешься? Крылья отрастил, зазнался, да? А!

— Юнь Хунмин! Воспитание воспитанием, но зачем на ребенка орать!

Когда Юнь Дань вернулась домой, было без пяти шесть. Яростный рык отца, Юнь Хунмина, прорвался сквозь щель приоткрытой двери, а следом за ним, смешиваясь с ароматом ужина, послышались защитные интонации матери, Ли Сянцин. Юнь Дань смутно расслышала, как младший брат Юнь Гэ сбивчиво оправдывается, пытаясь доказать свою правоту.

Юнь Дань разулась. Из гостиной донеслось тиканье будильника, а затем послышались торопливые шаги.

— Это Сяо Дань вернулась?

В коридоре показался высокий худощавый мужчина.

Юнь Дань внезапно подняла голову и улыбнулась ему:

— Я вернулась, папа.

Юнь Хунмин с облегчением выдохнул и улыбнулся в ответ:

— Как раз вовремя. Сначала отнеси рюкзак, помой руки, и сразу будем ужинать.

— Хорошо, папа.

Юнь Дань кивнула и в тапочках направилась в свою комнату. Проходя через гостиную, она краем глаза заметила будильник на журнальном столике, а под ним — фотографию. Ее рука, сжимавшая лямку рюкзака, невольно напряглась. Она вцепилась так крепко, словно боялась, что нечто важное может внезапно исчезнуть, хотя на лице по-прежнему играла легкая улыбка.

— Вторая сестра, ты пришла, — проговорил Юнь Гэ, скалясь в приветствии. Синяк в углу его рта был очень заметен.

— Угу, — Юнь Дань указала на свой рот. — Опять дрался?

— С чего ты взяла! Я не дрался, я карал зло и помогал добру, — обиженно буркнул Юнь Гэ.

— Драка есть драка, не пытайся приукрасить, — отрезал Юнь Хунмин, нахмурившись.

Юнь Гэ проигнорировал его, отвернулся и что-то недовольно проворчал под нос. Юнь Хунмин, заметив это, уже открыл рот, чтобы отчитать сына, но тут вмешалась мать.

— Чего глазами хлопаешь? Дочь пришла, а ты всё ругаешься, будем мы сегодня есть или нет!

— Ли Сянцин, сбрасывая фартук, решительно зашагала к мужу. В ее глазах сверкал лед, и

Юнь Хунмин был вынужден проглотить свои нотации.

Говорят, женское настроение — как погода в июне, меняется в мгновение ока. Только что Ли Сянцинъ метала громы и молнии, но, повернувшись к Юнь Дань, расцвела в улыбке.

— Дань-Дань, не стой, иди скорее руки помой. Мама сегодня приготовила тушеную свинину и ребрышки с чесноком! — она похлопала дочь по плечу и нахмурилась. — Посмотри, какая ты худая, надо будет побольше поесть.

С тех пор как они переехали в Южный город, мать почти всегда готовила сама.

— Спасибо, мама.

— Глупенькая, что ты за ерунду говоришь, — Ли Сянцинъ беспомощно покачала головой, а затем резко обернулась к сыну: — А ты стой! Сначала помой руки, потом ешь.

— Ой... — Юнь Гэ поплелся в ванную, опустив голову.

Эта сцена вызвала у Юнь Дань невольную улыбку. Она попрощалась с родителями и ушла в свою комнату, которая находилась в соседнем, смежном блоке.

Когда Юнь Дань вернулась, семья уже почти закончила ужин. Сквозь стены доносились наигранно строгие наставления отца и мягкий голос матери, перемежаемые звоном посуды. Стоя в углу, она смотрела на эту идиллическую картину и опустила веки.

С самого детства она знала: никто не хотел забывать о ней специально. Но люди просто не могли контролировать это — ее присутствие вечно ускользало, стиралось из памяти, игнорировалось. Иногда даже сама Юнь Дань забывала, что она существует.

Почему она — такое сюрреалистическое явление? Почему она вообще существует? Юнь Дань не знала, но отчаянно хотела найти ответ. Почему она существует?!

Она глубоко вздохнула, моргнула, сгоняя влагу с глаз, и на цыпочках проскользнула на кухню. Осторожно наложила полтарелки риса и так же бесшумно уселась на полупустой стул рядом с братом. Подхватив палочки, она положила себе побольше овощей и придвинула к себе две косточки с тарелки брата. Пока она ела, вдруг раздался резкий стук палочек об стол.

— Беда! Дань-Дань... — вскрикнула Ли Сянцинъ.

— Что случилось, мама? — Юнь Дань растерянно подняла голову.

Мать обернулась, посмотрела на нее и застыла:

— Дань... Дань-Дань?

Родители переглянулись. Слова, готовые сорваться с губ, застряли в горле. Наконец, первым нарушил тишину Юнь Гэ, который в силу возраста не понимал всей странности ситуации:

— Вторая сестра, ты когда пришла?

Его вопрос вызвал гневные взгляды родителей, и он тут же втянул голову в плечи, замолчав.

Юнь Дань легко рассмеялась:

— Забыли? Ты же сам меня позвал. А эти две ребрышки я у тебя из-под носа утащила, — она указала палочками на косточки.

Юнь Гэ нахмурился, пытаясь вспомнить, но в памяти царил туман. Кажется, что-то такое было, но воспоминание было слишком расплывчатым. У родителей возникло то же самое чувство: они не могли вспомнить, когда именно пришла Юнь Дань — то ли она была здесь с самого начала, то ли нет...

Они снова обменялись взглядами, словно без слов поняв друг друга, и отвели глаза.

Мать услужливо положила в миску Юнь Дань два куска свинины:

— Не ешь одни овощи, возьми мяса, для баланса нужно.

— Мам, я тоже хочу! — тут же возмутился Юнь Гэ.

Ли Сянцинь нахмурилась:

— Руки-ноги есть? Сам возьми! Какой лоб вымахал, а всё ждешь, пока мать тебе положит, стыдно должно быть.

Юнь Гэ хотел было ответить: «Ты же сама дала...», но вовремя осекся. Он надулся, опустил голову, и вдруг в его миске появились палочки с куском свинины.

Раздался ясный голос:

— У Сяо Гэ завтра промежуточный экзамен, пусть этот кусочек будет моим пожеланием удачи. Если сдашь хорошо, вторая сестра купит тебе тот велосипед, о котором ты мечтал.

Глаза Юнь Гэ загорелись:

— Правда?

Юнь Дань кивнула:

— Правда. Когда я тебя обманывала?

— Вторая сестра — лучшая! — радостно завопил Юнь Гэ и принялся уплетать еду.

Юнь Дань улыбнулась и повернулась к родителям:

— А где старшая сестра?

— Юнь Жун ушла на встречу с Цинлянь, сегодня не будет ужинать, — ответил отец.

Цинлянь — Мо Цинлянь, лучшая подруга Юнь Жун. На четвертом курсе они вместе открыли студию рекламного дизайна, и сейчас их дела шли в гору.

Ужин прошел в теплой атмосфере. Как только всё закончилось, Ли Сянцин выдворила всех из кухни. Юнь Гэ сразу убежал в свою комнату, а Юнь Дань посидела немного с отцом, но из-за его провалов в памяти в гостиной повисла неловкость, и она поспешила уйти к себе.

Едва она толкнула дверь, как зазвонил мобильный телефон, лежащий на столе. Юнь Дань взяла трубку — это была Му Цюшуй.

— Алло.

— Юнь Дань! — голос Му Цюшуй звучал необычайно радостно.

Юнь Дань невольно улыбнулась:

— Судя по твоему голосу, случилось что-то хорошее?

— Да! Я только что взвесилась, за месяц я сбросила пять фунтов! — счастье переполняло ее.

— Это отличная новость. Вспомнилась поговорка: нет ничего невозможного для того, у кого есть упорство. В этом мире нет невыполнимых задач, есть только твоя смелость и готовность стараться. Пять фунтов — хорошее начало, продолжай в том же духе, и результат тебя порадует.

— Опять ты за свое, — рассмеялась Му Цюшуй. — За этот месяц ты меня так «накормила» мудростью, что я, кажется, не худею, а толстею от твоих советов!

За этот месяц Му Цюшуй не раз хотела всё бросить, но стоило ей заикнуться об этом, как Юнь Дань тут же начинала мягко, но настойчиво подбадривать ее, и желание сдать исчезало.

Юнь Дань улыбнулась:

— Хорошо, когда сердце «толстое», жить легче и дольше. А если оно маленькое, приходится постоянно всё просчитывать, это так утомительно.

— Но жизнь часто заставляет нас просчитывать ходы. Не всегда можно быть такой беззаботной. Людей, способных на истинную безмятежность, мало, и в высших кругах они встречаются еще реже. Многие живут в постоянном расчете и защите от чужих интриг.

Слова на том конце провода прозвучали неожиданно резко и серьезно, выдавая зрелость, которая никак не вязалась с образом обычной школьницы. Юнь Дань нахмурилась — это было

совсем не похоже на то, что она знала о Му Цюшуй.

— Юнь Дань? Ты здесь?

— А? Да, извини, задумалась.

— ...Я ничего такого, просто ты какая-то рассеянная. Что-то случилось?

Юнь Дань вздохнула:

— Ничего, просто подумала, что для двух первокурсниц мы обсуждаем слишком серьезные вещи.

На том конце воцарилась тишина. Юнь Дань закусил губу и решила сменить тему:

— Ты уже поужинала?

— Да, час назад.

— Тогда самое время для тренировки. Сначала полчаса быстрой ходьбы, потом попробуй легкий бег. И помни, после нагрузки нельзя сразу садиться... — она начала перечислять все те советы, которые давала ей раньше.

Му Цюшуй сидела на скамье в своем домашнем спортзале и молча слушала, не перебивая и не проявляя нетерпения.

— Да, я буду осторожна. Спасибо тебе... Юнь Дань!

— Если ты сможешь довести дело до конца, это и будет лучшей благодарностью, — ответила Юнь Дань.

— Я тебя не разочарую! — твердо пообещала Му Цюшуй.

Юнь Дань положила трубку и открыла фотоальбом. На первой странице была фотография: школьная беговая дорожка, упрямая спина и решительный шаг.

— До завтра, Юнь Дань.

— До завтра...

— Сяо Гэ, иди есть ананас! — голос Ли Сянцин донесся из коридора.

Между комнатами был проход, двери не было, поэтому голос матери отлично проникал в комнату Юнь Дань.

— До завтра, Му Цюшуй, — тихо сказала Юнь Дань и нажала на отбой, но телефон еще долго не убирала от уха.

Она села за стол, разложила тетради, но долго не могла коснуться бумаги пером.

Тук-тук-тук.

Через некоторое время в дверь постучали.

— Дань-Дань, мама войдет? — Ли Сянцинь вошла с тарелкой нарезанного ананаса.

— Спасибо, мама, — Юнь Дань сделала вид, что только что закончила разговор.

— Подруга? — с надеждой спросила Ли Сянцинь.

— Одноклассница, спрашивала по учебе, — Юнь Дань посмотрела на ананас. — Мам, откуда он? Выглядит аппетитно.

— Друзья прислали, они сами выращивают. Попробуй, если понравится, я попрошу их еще прислать, — улыбнулась мать.

Юнь Дань взяла кусочек — вкус был действительно хорош.

— Вкусно.

— Ешь больше, на кухне еще есть, — Ли Сянцинь довольно улыбнулась. — Не буду тебе мешать, учишься, но не засиживайся, здоровье важнее.

— Хорошо, мама. Передай папе, чтобы он тоже отдыхал.

— Конечно, — она погладила дочь по голове. — Спи пораньше.

— Спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи.

Дверь закрылась, и в комнате снова стало тихо. Улыбка медленно сползла с лица Юнь Дань.

Дневник Му Цюшуй:

Сегодня взвесилась — минус пять фунтов!

Первым делом мне захотелось поделиться новостью с ней. Не знаю почему, просто хотелось рассказать именно ей.

Она, как обычно, начала меня «воодушевлять», но я не поддамся!

Кстати, когда мы прощались, ее голос изменился...

Мне так хочется перестать называть ее «одноклассницей».

<http://bllate.org/book/21033/2138992>